

**РОССИЙСКАЯ НАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
АКАДЕМИЯ ПРОБЛЕМ БЕЗОПАСНОСТИ, ОБОРОНЫ И
ПРАВООПОРЯДКА
ИНСТИТУТ РУССКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА**

Л. А. Р а ш к и н, Ю. Ю. Н о в и к о в

ВЕЛИКИЙ ВРАЧ, УЧЁНЫЙ, ОРГАНИЗАТОР

Николай Иванович Пирогов

(посвящается 195-летию со дня рождения)

Москва

2005 г.

Имя Николая Ивановича Пирогова известно любому гражданину России, СНГ, да и более-менее образованному иностранцу. Однако, всё же кем был Пирогов, этот замечательный человек XIX века, эта гениальная и многогранная личность? Он был врачом от Бога, крупнейшим учёным, основоположником ряда научных и медицинских направлений в России: топографической анатомии и оперативной хирургии, анестезиологии, пластической и восстановительной хирургии, военно-полевой хирургии как науки, изобретателем, организатором военной медицины и народного образования, общественным деятелем, философом и мыслителем, гуманистом и патриотом.

Абстрагируясь от признания заслуг Н.И. Пирогова в области медицины и образования, крупнейший хирург, организатор здравоохранения и медицинской науки XX века академик Б.В. Петровский (1908-2004) писал: «Пирогов учит нас интересам дела, интересы общественные ставить выше самолюбия и мелкого тщеславия», «... в его подвижничестве трудолюбие, неутомимость в поиске, умение отстаивать свои взгляды, безупречная научная принципиальность и честность». В этом огромное значение Николая Ивановича Пирогова в истории России. Не только как великого практика и теоретика медицины, как замечательного педагога и администратора, но и как подвижника, бессеребренника, гуманиста.

Н.И. Пирогов родился 13 ноября (25 по н. ст.) 1810 г. в Москве в семье офицера-интенданта, бывшего достаточно образованным для своего времени человеком. В семье царил патриотический подъём, соответствовавший победоносному завершению войны с Наполеоном. Тогда уже 5-летние мальчуганы играли в казаков, преследующих французов. Этим забавам предавался и маленький Коленька. Но вскоре внимание ребёнка привлёк посещающий его брата профессор медицины Ефрем Осипович Мухин, и Коленька, подражая ему, стал играть «в доктора». А чуть повзрослев увлёкся собиранием трав и растений, особенно употребляемых в медицине. Вхожий в семью Пироговых врач Г.М. Берёзкин подарил ребёнку справочник, который он с удовольствием стал штудировать.

Подшло время начать систематическое образование. В 1822 г. Колю Пирогова отдали в частный пансион В.С. Княжева, довольно престижное учебное заведение в Москве. Учился юный Пирогов очень хорошо и с большим удовольствием, одновременно глубоко задумываясь над задачами просвещения. Однако способному ученику не пришлось долго учиться в

пансионе. В конце 1823 г. отца Николая постигло несчастье. Его подчинённый получил из казны 30000 рублей для отправки на Кавказ, но не прибыл в Кавказскую армию, а присвоил деньги и отправился «в бега». В результате И.И. Пирогов был отправлен в отставку, а его имущество было продано в счёт погашения недоимки. Дальнейшее обучение Коли в частном пансионе стало невозможным, т. к. майорская пенсия отца была весьма скромной, к тому же приходилось выплачивать долги за проигравшегося в карты старшего брата. Выход был найден с помощью Е.О. Мухина, с которым И.И. Пирогов состоял в приятельских отношениях. Видя большие способности мальчика, Ефрем Осипович предложил сразу зачислить его на медицинское отделение Московского университета. Это было весьма непросто, т. к. Николаю к тому моменту не было полных 14 лет. Однако благодаря усилиям отца и профессора Е.О. Мухина в сентябре 1824 г. юный Пирогов стал студентом-медиком.

Учёба в университете для подростка Пирогова сопровождалась с большим напряжением, явно не соответствовавшим его возрасту. Но Николай успешно постигал необычные для него предметы. Очень заинтересовала его анатомия, которую читал Х.И. Лодер, ранее работавший в Кенигсберге, Галле и Йене и помимо прекрасного знания своего предмета, впитавшего идеи Канта, Гёте и Гегеля. Он постоянно пополнял анатомическую коллекцию Московского университета и готовил прекрасные препараты, к чему подключился и его юный студент Пирогов.

С 4-го семестра кумиром Николая становится профессор терапии М.Я. Мудров. Он был не только блестящим врачом, участником войны 1812 года, крупным учёным-терапевтом, но и носителем определённой социальной морали, сторонником оказания безвозмездной медицинской помощи неимущим. «Научитесь прежде всего лечить нищих. Богатого легче вылечить. Бедняку же и снадобье из аптеки выкупить не на что», - говорил студентам Матвей Яковлевич.

На протяжении всего времени обучения в университете огромное влияние на юного Пирогова оказывал его покровитель Е.О. Мухин, возглавлявший кафедру хирургии и одновременно читавший курсы физиологии и судебной медицины. Он был великолепным хирургом, начавший свой путь военным лекарем под Очаковым. Блестящие лекции Ефрема Осиповича завораживали студентов. Одновременно с совершенствованием хирургических операций профессор Мухин занимался

изобретением новых методов лечения – гальванических, электрических, паровых, являясь по сути дела предтечей физической медицины в России. Не был он в стороне и от социальных аспектов здоровья. «Народное здравие немислимо без хороших жилищ, одежды и питания. Врач, ставящий превыше всего пользу отечеству, должен думать и о сих предметах», - писал Е.О. Мухин.

На старших курсах Николай Пирогов сблизился с молодым преподавателем химии и фармакологии А. Иовским, ярким сторонником экспериментального направления в медицине и естествознании. Он определил молодого выпускника для сотрудничества в создаваемом им журнале «Вестник естественных наук и медицины».

В мае 1828 г. Николай Пирогов сдал лекарские экзамены. Он получил диплом, а вместе с ним мундир, шпагу и аттестат чиновника 12-го класса. Перед ним открывалось два пути: либо поступить в полковые лекари, либо начать работать ординатором в одной из московских городских больниц. Однако счастливое стечение обстоятельств распорядилось по-иному. В 1828 г. по инициативе профессора физики Дерптского университета Паррота в составе университета был организован Профессорский институт (прообраз современной докторантуры), призванный в короткие сроки готовить профессоров для российских университетов, число которых в начале XIX века возросло. Каждый факультет всех российских университетов должен был выделить 2-3 человека для дальнейшего обучения в Профессорском институте в Дерпте. Получив это известие, Е.О. Мухин пригласил своего питомца Николая Пирогова на беседу и предложил отправиться в Дерпт для подготовки к профессорской деятельности. Молодой Пирогов был вне себя от радости. Предстояло выбрать дисциплину профессорской подготовки. Николай назвал физиологию. Е.О. Мухин возразил, сославшись на то, что профессорская подготовка предусмотрена по научно-практическим направлениям, куда не входила физиология, и указал на то, что в дальнейшем у него будет возможность заниматься и физиологией. Николай Пирогов попросил один день для обдумывания и на следующее утро заявил своему наставнику, что делает свой выбор на хирургии.

В жизни молодого Пирогова открылась новая страница. После сдачи экзаменов в Санкт-Петербургской академии наук он был зачислен в Профессорский институт Дерптского университета. Здесь его основным учителем и научным руководителем стал профессор хирургии И.Ф. Мойер.

Под его опекой Н. Пирогов стал делать первые самостоятельные операции (на медицинском отделении Московского университета такая практика существовала), в частности, довольно сложные – перевязки артерий, вылушивание кисти руки, удаление рака губы. Николай был принят в доме профессора, что оказало влияние на его дальнейшее формирование как интеллигента и мыслителя. В доме Мойеров бывали В.А. Жуковский, Ф.В. Булгарин и другие русские литераторы, читавшие свои произведения, играли на фортепьяно любимого профессором Бетховена, читали стихи русских и немецких поэтов. Здесь судьба свела молодого Пирогова с однокашником Фёдором Иноземцевым, с которым он квартировал, со студентами Николаем Языковым и Владимиром Далем. Тогда в Дерпте среди студентов и докторантов были популярны комерши – вечеринки, участники которых предавались обильным возлияниям и безудержному веселью. Однако Николай Пирогов очень редко посещал эти сборища.

Его основным увлечением была работа, ведь он приехал в Дерпт «ради сладкого труда», как писал в тексте студенческой песни Николай Языков. Молодой Пирогов проявил в Дерпте удивительную работоспособность и необычайную остроту наблюдений. Он продолжал увлекаться анатомией. Николай по результатам анатомических исследований написал статью «Анатомо-патологическое описание бедренно-паховой части относительно грыж, проявляющихся в сим месте». В своей первой статье, обобщая изложенный материал, он сделал заявку на формирование новой научной дисциплины, названной впоследствии «топографическая анатомия и оперативная хирургия»: «... мало того, ежели искусно разрезывает хирург, надобно, чтобы он имел самые тонкие патологические познания о тех частях, которые он разрезывает, иначе он не заслуживает имени хирурга». В Дерпте Н. Пирогов жил среди огромной работы и находил работу там, где другому нечего было делать. И работы всегда оказывалось больше, чем времени. Ради этой работы Николай был готов на всё. Даже большую часть своего скромного жалования он тратил на приобретение необходимых для экспериментов телят и баранов. И его энтузиазм давал результаты.

В конце 1829 г. медицинский факультет предложил темы для научных сочинений. Молодой Пирогов выбрал тему «Что наблюдается при операциях перевязки больших артерий» и получил золотую медаль за эту работу. Николай смело брался за операции, связанные с перевязкой брюшной аорты, в этом он превзошёл мирового авторитета в хирургии Э. Купера. Тем самым

определилась тема докторской диссертации Пирогова – «Является ли перевязка брюшной аорты при аневризме паховой области легко выполняемым и безопасным вмешательством?». Одновременно в ходе эксперимента Николай искал причину паралича задних конечностей у животных после перевязки брюшной аорты. Работая над диссертацией, он впервые описал топографию брюшной аорты у человека, расстройства кровообращения при её перевязке, объяснил причины послеоперационного паралича и предложил два способа доступа к аорте: чревобрюшинный и внебрюшинный, причём внебрюшинный был более предпочтительным, т. к. повреждение брюшины грозило инфицированием организма.

В последний год пребывания Пирогова в Дерпте директором Профессорского института стал Иоганн Эрдман, профессор патологии, физиологии, фармакологии и истории медицины, а также прекрасный врач и диагност. Возросла роль медицинского факультета. К тому же атмосфера в Профессорском институте стала более творческой, уменьшилось бюрократическое давление. В это время у Николая подходила к концу докторантура. До защиты диссертации предстояло сдать экзамены, выступить с публичной лекцией, представить несколько историй болезни и две письменные работы. С такими задачами он блестяще справился. После этого полагалась зарубежная стажировка. Однако ввиду международной обстановки (революция во Франции, восстание в Польском наместничестве) высочайшим решением она была отменена. Поэтому в конце 1831 г. Пирогов отбыл в Москву.

В Москве Николай хотел встретиться со своим наставником Е.О. Мухиным, обсудить написанную им диссертацию, посоветоваться, какие сделать акценты на предстоящей защите. Однако этому не суждено было состояться – Ефрем Осипович умер летом 1831 г. во время эпидемии холеры. Как врач-подвижник он принимал активное участие в ликвидации эпидемии и заразился. Изношенный организм старого профессора не справился с тяжёлой болезнью. Возглавляемую им крупную кафедру, на которой студенты занимались почти всё время обучения, честолубивые сотрудники Е.О. Мухин разделили на несколько малых в целях получения заведования и личной выгоды. Этим профессорам была совершенно неинтересна диссертация молодого Пирогова. Они довольно холодно относились к экспериментальному методу и не верили в эффективность перевязки крупных артерий. К тому же они видели в молодом способном исследователе потенциального конкурента.

К лету 1832 г. Пирогов вернулся в Дерпт и занялся непосредственной подготовкой защиты диссертации. 31 августа (12 сентября по н. ст.) профессорский кандидат (так тогда назывались докторанты) Н.И. Пирогов на заседании Совета Дерптского университета блестяще защитил докторскую диссертацию. Она представляла собой пример экспериментального исследования в хирургии. Это тогда было принципиально новым в медицине.

Ещё на полгода Пирогов задержался в Дерпте, оформляя все формальности. Весной 1833 г. появилась возможность поехать на стажировку в Германию. В мае 1833 г. он выехал в Ригу, дальше – морем в Копенгаген и, наконец, прибыл в Берлин. Его наставниками стали анатом Шлемм, хирурги Грефе, Диффенбах и Руст – учёные с мировым именем. Одновременно Николай ощутил востребованность своего вклада в науку – его диссертация, написанная на латыни, была переведена на немецкий язык.

Пирогов работал в знаменитой берлинской больнице «Шарите», много внимания уделяя анатомическим вскрытиям. Здесь он с особенной глубиной понял роль патологической анатомии в разгадке причин болезней. Затем Николай поехал в Гёттинген, где совершенствовался у профессора хирургии Лангенбека, который был блестящим мастером хирургической техники и производил операции очень быстро (это имело большое значение, т. к. наркоз в то время ещё не применялся). Работая с ним, Пирогов овладел тонкими техническими приёмами производства операций.

Командировка заканчивалась. Из Министерства просвещения Н.И. Пирогов получил запрос о выборе желаемого места профессорской деятельности. Он послал прошение предоставить ему одну из хирургических кафедр в Московском университете, о чём он давно мечтал. В мае 1835 г. вместе со своим товарищем по Дерптскому университету математиком Котельниковым Пирогов отбыл в Россию.

Однако в дороге Николай тяжело заболел. В Риге он вынужден был остановиться и лечь в военный госпиталь. По мере выздоровления неукротимый Пирогов начал помогать госпитальным врачам, а едва встав на ноги сделал операцию ринопластики местному цирюльнику. Затем он самостоятельно сделал ещё несколько операций. Оправившись от болезни, Н.И. Пирогов решил заехать в Дерпт. Здесь его настигла грустная весть: свободную в тот момент кафедру факультетской хирургии Московского университета занял его однокашник по Профессорскому институту Ф.И. Иноземцев, употребив для достижения этой цели не вполне корректные средства.

Правда, свободной была кафедра хирургии в Казанском университете, но этот выбор не устраивал Пирогова. Удручённый он пришёл к своему учителю И.Ф. Мойеру. Старый профессор с радостью принял набирающего силу ученика, который ещё в период своего ученичества активировал в нём новые идеи. Мойер признал превосходство Пирогова и решил уступить ему дорогу, к тому же в силу возраста ему уже было трудно оперировать, да и часто читать лекции он не мог. Поэтому Мойер предложил Николаю занять свою кафедру, с чем тот и согласился. И.Ф. Мойер представил Н.И. Пирогова медицинскому факультету и направил соответствующее письмо министру просвещения.

Зиму 1835/1836 г. Пирогов провёл в Петербурге. Он ждал утверждения в профессорской должности и при этом не терял времени даром. Он самостоятельно оперировал в госпиталях и больницах, производил анатомические секции, изготовлял препараты. Реализуя свои новаторские начинания, Н.И. Пирогов практически на общественных началах организовал для петербургских врачей курс лекций по хирургической анатомии при Обуховской больнице. Эти лекции пользовались большой популярностью, их посещали даже профессора Медико-хирургической академии, составлявшие элиту медицинской профессуры России. В Санкт-Петербургской академии наук, где около 4-х лет назад он сдавал экзамены перед поступлением в Профессорский институт, Н.И. Пирогов прочитал лекцию о ринопластике, сопроводив её оригинальной демонстрацией на муляже. Наконец его как вступающего в должность профессора принял министр просвещения граф С.С. Уваров. Однако во время краткого разговора с ним Пирогову не удалось затронуть научно-медицинские вопросы. Напутствуя молодого профессора, министр сделал акцент на воспитательной роли университетов для подготовки ревностных служащих самодержавия. 9 (22 н. ст.) марта 1836 г. Н.И. Пирогов был утверждён профессором хирургии Дерптского университета, а через полгода получил соответствующий чин надворного советника. Николаю к тому времени ещё не было полных 26 лет.

В апреле 1836 г. Н.И. Пирогов приступил к работе в качестве профессора Дерптского университета. В его обязанности теперь входило:

- 1) читать полный курс теоретической хирургии – 1 час в день;
- 2) проводить занятия по оперативной хирургии на трупах – 1 час в день;
- 3) читать курс офтальмологии и глазной хирургии – 1 час в день;
- 4) заведовать клиникой (22 койки) и поликлиникой – 3 часа в день.

Однако 6 часов на выполнение этих обязанностей Пирогову не хватало. Ведь он активно занимался научной работой, ставил эксперименты на животных, изготавливал анатомические препараты, писал научные труды.

А по субботам на квартире молодого профессора собирались студенты – 10-15 наиболее близких учеников. За чайным столом велись весёлые и умные разговоры, увлечённо спорили об анатомических секциях, слушали рассказы об операциях знаменитых хирургов, выискивались нелепости в их приёмах и объяснениях. Беседы отходили от научно-медицинских вопросов и плутали по бесчисленным тропкам разнообразных тем.

В начале 1837 г. Н.И. Пирогов издал серьёзнейшую работу - «Хирургическую анатомию артериальных стволов и фасций», в которой впервые обратил внимание на особенности строения тонких соединительнотканых оболочек, покрывающих отдельные мышцы, группы мышц и некоторые органы, - фасций. Работа содержала более 50 таблиц и иллюстраций (в октябре 1840 г. она была удостоена премии Санкт-Петербургской академии наук). В том же 1837 г. Пирогов выпустил 1-й том «Анналов хирургического отделения Императорского университета в Дерпте». А в 1839 г. вышел 2-й том. «Анналы» представляли собой сборник историй болезней, расположенных по разделам в зависимости от вида заболеваний, обобщающих статей, кратких сообщений, заметок и др. Эти «Анналы» были не только описаниями наблюдений, но и раскрывали особенности оперативной техники, формулировали нестандартные выводы и в целом являлись в высшей степени научным документом. «Анналы» были по достоинству оценены как современниками, так и учёными последующих поколений. Работу по подготовке «Анналов» лауреат Нобелевской премии И.П. Павлов назвал «подвигом». Крупнейший хирург и учёный, основатель Академии медицинских наук СССР Н.Н. Бурденко писал, что «Пироговские анналы» являются «образцом чуткой совести и правдивой души».

Однако увлечённый и трудолюбивый молодой профессор Пирогов встретил довольно прохладное отношение к себе дерптской профессуры, преимущественно немецкой. Не сложились у него отношения с попечителем университета Крафштремом. Тем не менее в 1-й половине 1838 г. Н.И. Пирогову удалось выхлопотать научную командировку во Францию. Здесь он посещал операции Вельпо, слушал лекции Лисфранка, посещал «хирургические беседы» Аммиуса, встречался со стариком Ларреем, военным

хирургом наполеоновской эпохи. Из Франции Пирогов вернулся полностью самостоятельным и признанным учёным.

В 1840 г. вышла книга Н.И. Пирогова «О перерезке ахиллова сухожилия в качестве оперативно-ортопедического средства». В ней был приведён анализ более 80 опытов, представлены результаты изучения анатомического строения сухожилия и описан процесс его сращения после перерезки.

В Дерптском университете Пирогов также проявил себя как руководитель научной подготовки его выпускников. За время его профессорства под его руководством было защищено 13 диссертаций. Первым и наиболее талантливым его диссертантом был В.А. Караваев, бывший студентом Берлинского университета, в то время, когда там проходил стажировку Н.И. Пирогов.

На рубеже 1840-х годов происходило реформирование Медико-хирургической академии в Петербурге, которая переходила в подчинение Военного министерства, т. е. становилась частью армии. В академии реорганизовывались кафедры, приглашались новые профессора и преподаватели. В 1840 г. профессор терапии Медико-хирургической академии К.К. Зайдниц, питомец Дерптского университета, один из первых учеников И.Ф. Мойера, приятель В.А. Жуковского, предложил кандидатуру Н.И. Пирогова на оказавшуюся вакантной кафедру госпитальной хирургии. Ранее эту кафедру возглавлял известный хирург, вице-президент академии И.Ф. Буш, которому Пирогов сдавал экзамен перед поступлением в Профессорский институт. Николай Иванович принял это предложение, т. к. его тяготило не вполне доброжелательное отношение к себе немецкой профессуры в Дерпте. После прохождения продолжавшихся год бюрократических согласований Н.И. Пирогов был переведён в Военное министерство и утверждён профессором госпитальной хирургии Медико-хирургической академии.

К весне 1841 г. Пирогов переехал в Петербург. Здесь он встретил тёплый приём, в частности, был избран почётным членом Петербургского общества врачей. Однако работа в академии была регламентирована в большей степени, чем в Дерпте, сказывалась военная дисциплина. Лекции Н.И. Пирогова студенты слушали с удовольствием, на них приходила даже «неакадемическая молодёжь», что было запрещено. Много забот требовала от Пирогова клиническая работа. Клинической базой кафедры было хирургическое отделение 2-го военно-сухопутного госпиталя. Его здания

стояли на болоте, не имели вентиляции, в огромных сырых палатах мёрзли больные и раненые солдаты, в целом в госпитале царя антисанитария. Положение усугублялось тем, что госпитальные смотрители, интенданты и аптекари были нечисты на руку и часто путали свой карман с казённым, что ухудшало и без того незавидное положение лечившихся. Столкнувшись с такими явлениями, Николай Иванович был крайне возмущён и решил изменить ситуацию. Он выдвинул проект передачи госпиталя в непосредственное подчинение академии. Однако, как и многие другие полезные начинания в России, этот проект лёг под сукно.

Тем не менее, видя мастерство и талант Пирогова, руководство академии и Военно-медицинского департамента не могло его игнорировать. Его знания и опыт в области хирургии и, говоря современным языком, медицинской инфраструктуры, были весьма востребованы. Н.И. Пирогов был одновременно назначен начальником технической части Петербургского завода медицинских инструментов, поскольку лучше других представлял требования, предъявляемые к современному хирургическому инструментарию.

В своей педагогической и врачебной работе Николай Иванович большое значение уделял междисциплинарным связям. Об этом он позже писал: «В медицине я, как врач и начальник, с первого же моего вступления на учебно-практическое поприще поставил в основание анатомию и физиологию, в то время, когда это направление было ещё ново, не всеми признано и даже многими значительными авторитетами ... вовсе, и даже для хирургии, отрицаемо». В 1843 г. Н.И. Пирогов начал выпускать «Полный курс анатомии человеческого тела».

В Петербурге в 1842 г. Пирогов обрёл личное счастье, он женился на дочери гусарского ротмистра Екатерине Березиной. Молодая жена должна была жить интересами мужа. Екатерина Дмитриевна родила сыновей Николая и Владимира. Однако недолго продолжалась их семейная жизнь. В январе 1846 г. в результате послеродовой болезни его жена скончалась. Николай Иванович ищет утешение в неуёмной работе. Он консультирует больных в Обуховской больнице для рабочих, в Мариинской больнице для бедных, Петропавловской больнице, больнице св. Магдалины, Детской больнице и Максимилиановской лечебнице. Причём эти лечебные учреждения были настолько поражены нищетой, антисанитарией и безответственностью персонала, что даже 2-й военно-сухопутный госпиталь,

недостатки которого пытался исправить Пирогов, казался раем по сравнению с ними.

В конце зимы 1846 г. был высочайше утверждён Анатомический институт при Медико-хирургической академии, проект создания которого подали академик К.М. Бэр, профессор К.К. Зейдниц и профессор Н.И. Пирогов. Осуществление этого проекта позволяло поставить изучение и преподавание анатомии на небывалую ранее высоту. Директором института стал Пирогов, для начала он пригласил двух прозекторов – своего старого знакомого по Дерпту Г. Шульца и В. Губера из Вены. Однако Анатомическому институту отвели тесное и неприспособленное помещение на территории 2-го военно-сухопутного госпиталя. В препаровочных залах на земляном полу стояли деревянные столы. Масляные висючие лампы не давали достаточного освещения. Постепенно в первом российском анатомическом институте условия стали улучшаться. Благодаря усилиям Н.И. Пирогова появился современный инструментарий и отличные наглядные препараты.

В 1846 г., только что вернувшись из Европы, где он обменивался опытом со многими крупнейшими хирургами и анатомами, Пирогов узнал, что в американском городе Бостоне хирург Г. Уоррен удалил под эфирным наркозом опухоль на шее. Этому предшествовали экспериментальные работы У. Мортонна, который участвовал в операции, осуществляя дачу наркоза. Николай Иванович сразу приступил к изучению этого новшества и к проведению соответствующих экспериментов. Получив положительные результаты, Пирогов подверг «эфированию» самого себя и затем нескольких добровольцев. И только убедившись в отсутствии существенного вреда от эфирного наркоза стал готовиться к операции. 14 (26 н. ст.) февраля 1847 г. Н.И. Пирогов впервые в России произвёл под эфирным наркозом операцию удаления рака молочной железы. Операция прошла успешно. Наркозом заинтересовались многие врачи. Пирогов продолжал оперировать под наркозом и стал активно пропагандировать этот метод, значительно облегчающий страдания оперируемого и устраняющий осложнения, связанные с болевым шоком. Затем он совершенствовал методику дачи наркоза и изобрёл прибор для вдыхания эфирных паров. Кроме введения обезболивающего вещества через дыхательные пути он освоил его введение в артерии, вены и прямую кишку. Вскоре по этим результатам он опубликовал работу «Наркоз эфиром через прямую кишку». Заслуги Н.И. Пирогова в

области внедрения эфирного наркоза в медицинскую практику были отмечены избранием его академиком Медико-хирургической академии и членом-корреспондентом Санкт-Петербургской академии наук.

В конце весны 1847 г. начальник Военно-медицинского департамента В.В. Пеликан предложил Н.И. Пирогову выехать в Кавказскую армию и в боевых условиях апробировать методику эфирного наркоза. Пирогов согласился, и уже в июне вместе со своим ассистентом П.Ю. Неммертом и фельдшером И. Калашниковым выехал на Кавказ, где в это время активизировались боевые действия против горцев. Николай Иванович впервые оказался в военных условиях. Первые операции с применением эфирного наркоза он провёл в полевом лазарете в местечке Тургибы. Эти операции прошли успешно. Даже тяжёлые ампутации ног, которые в силу их сложности невозможно было произвести быстро, пострадавшие переносили без страданий от боли. Слух о чудодейственных операциях Пирогова разнёсся по всему Кавказу.

Во время пребывания в Кавказской армии Н.И. Пирогов впервые проявил себя как организатор военной медицины. Это началось с осады Салтов. Согласно установленному порядку раненые после оказания первой помощи или первичного оперативного вмешательства сразу отсылались в ближайший госпиталь, причём смертность во время транспортировки была весьма высока. Н.И. Пирогов испросил у главнокомандующего и заместника Кавказа М.С. Воронцова устраивать временный лазарет в районе боевых действий, где оставлять прооперированных под наркозом на несколько дней для наблюдения. По распоряжению Пирогова был устроен специальный полевой госпиталь при главной квартире, где эти раненые находились на излечении от 2-х до 4-х недель. Таким образом, Н.И. Пирогов в первом приближении реализовал принцип этапного оказания медицинской помощи в военно-полевых условиях. Здесь же во время осады Салтов Пирогов стал широко применять при переломах конечностей неподвижную крахмальную повязку, что было весьма эффективно при транспортировке пострадавших по горным дорогам.

Вернувшись к зиме в Петербург, Н.И. Пирогов был приглашён с отчётом к военному министру. Генерал А.И. Чернышёв не стал читать отчёт и разговаривать с Пироговым и устроил профессору разнос за то, что он явился к нему в мятом кителе. Однако вскоре Н.И. Пирогова пригласила к себе великая княгиня Елена Павловна. Она с удовольствием выслушила его

рассказ о работе на Кавказе, об успешном применении эфирного наркоза в военно-полевых условиях и предложила обращаться к ней за помощью. А отчёт, который сгоряча не захотел читать военный министр, после рецензирования бывшим главным хирургом армии Нарановичем был опубликован в последнем номере Военно-медицинского журнала за 1847 г. Восхищённые отзывы об этом отчёте были опубликованы в некрасовском «Современнике» и журнале «Отечественные записки».

Однако признанный учёный и хирург, доказавший эффективность своих результатов во время боевых действий на Кавказе, оказался гонимым в кругу профессоров Медико-хирургической академии. Против него стали плестись злокозненные инсинуации. Они были спровоцированы бывшим профессором анатомии, известным анатомом И.В. Буяльским, кафедру которого после его ухода Н.И. Пирогов объединил с Анатомическим институтом. С его подачи литератор Ф.В. Булгарин (с ним Пирогов изредка встречался в Дерпте в доме у И.Ф. Мойера) опубликовал в своём журнале фельетон, в котором заявил, что «Полный курс прикладной анатомии человеческого тела» заимствован у английского анатома Ч. Бэлла. В защиту Н.И. Пирогова стал академик К.М. Бэр. Было проведено комиссионное сопоставление труда Пирогова с книгами Бэлла. В итоге публикация была признана клеветнической. Булгарин отправил покаянные письма военному министру, попечителю и президенту Медико-хирургической академии. Однако Пирогов не принял эти извинения и в марте 1848 г. подал попечителю Медико-хирургической академии генералу Анненкову прошение об отставке. Генерал умолял Пирогова остаться, обещал создать благоприятные условия для работы, но Николай Иванович, достоинство которого было сильно уязвлено, стоял на своём. В конце концов Анненков передал неподписанное им прошение об отставке на рассмотрение военного министра. Пирогову пришлось идти к Чернышёву. На этот раз министр был учтив с ним и сказал, что он единственный по военно-медицинской части, «на кого можно положиться». А.И. Чернышёв взывал к патриотическим чувствам Н.И. Пирогова и просил его принять участие в борьбе с вспыхнувшей эпидемией холеры, обещая в то же время заставить Ф.В. Булгарина выступить с публичной статисфакцией. Из кабинета Чернышёва Пирогов вышел специальным военно-медицинским уполномоченным по борьбе с холерой, для этой работы он временно откомандировывался из академии.

Во 2-м военно-сухопутном госпитале под наблюдением Н.И. Пирогова было развёрнуто холерное отделение. Все холерные больные строго изолировались, их контакты с окружающими запрещались. Пирогов, пренебрегая опасностью, вскрывал холерные трупы. Он искал причину болезни и для этого исследовал каждый поражённый холерой орган, фрагмент ткани, отдельные клетки. В течение 6 недель Пирогов произвёл 800 вскрытий умерших от холеры, при этом протоколировал результаты и проводил их анализ. Эти материалы позже были использованы для написания монографии «Патологическая анатомия холеры». Комплексно исследуя клинику и эпидемиологию холеры, Н.И. Пирогов сделал новаторское предположение, что зараза (тогда ещё возбудитель не был известен) проникает в организм человека с пищей и питьём.

В конце 1848 г. Пирогов, выполнив свой гражданский долг перед Отечеством вернулся в академию. Теперь его чествовала академическая конференция. А.И. Чернышёв представил Н.И. Пирогова к производству в чин статского советника, а за полгода до этого Пирогов по представлению Военно-медицинского департамента был высочайше награждён орденом св. Владимира IV степени. Этой наградой он был удостоен за 20-летие службы и самоотверженный труд во время боевых действий в Кавказской армии. А в 1851 г. Санкт-Петербургская академия наук удостоила Н.И. Пирогова Демидовской премией за исследования и монографию по холере. Но чины и регалии мало интересовали Николая Ивановича, он всё время находился в творческом поиске и смело шёл тропой непознанного.

Он загорелся идеей послойного исследования трупных фрагментов, а затем и целиком трупов с применением заморозки. Пирогов выявил возможность чётко рассматривать на замороженных препаратах нарушение того или иного органа при патологическом процессе и комплексно исследовать таким образом любой орган. Таким образом Н.И. Пирогов вплотную подошёл к новой науке – топографической анатомии и оперативной хирургии. С 1851 г. он начал издавать многотомный атлас «Иллюстрированная анатомия распилов, проведённых в трёх направлениях через замороженное человеческое тело». Вскоре этот атлас стал востребован во всех цивилизованных странах мира. Одновременно для оптимизации и ускорения этой работы Пирогов изобретает специальную пилу. В результате послойно сказывая отдельные слои тканей он получил возможность убирать ненужные для исследования ткани и оставлять лишь те, которые составляли

предмет исследования. При этом ткани и органы в замороженном трупe надолго оставались на своих местах, не подвергаясь смещению.

Как-то Пирогов оказался в мастерской скульптора. Он наблюдал, как жидкий гипс, нанесённый на ткань, через несколько минут застывал, делаясь вместе с холстом прочным как доска. Николай Иванович сложил марлю в 4 слоя, опустил в жидкий гипс и затем облепил ею свою ладонь. Застыв, гипс не только сохранил исходную форму ладони, но и стал панцирем, надёжно защищающим её от внешних воздействий. Пирогов вспомнил, что на Кавказе использовал неподвижную крахмальную повязку для иммобилизации переломов и защиты зоны перелома для защиты зоны перелома от внешних воздействий во время транспортировки пострадавших. Теперь он нашёл способ не просто фиксации сломанных костей, но и эффективного, целостного лечения переломов. С энтузиазмом приступил Н.И. Пирогов к освоению техники наложения гипсовой повязки и посредством неё сращения переломов во 2-м военно-сухопутном госпитале. После тщательных наблюдений за эффективностью её применения Пирогов публикует работу «Лепная алебастровая повязка в лечении простых и сложных переломов и для транспорта раненых на поле сражений». В ней подробно разбирается техника наложения гипсовой повязки при различных переломах конечностей и рассматриваются разнообразные способы приготовления гипсово-алебастрового раствора.

В 1854 г. вышла и другая работа Н.И. Пирогова – «Костнопластическое удлинение костей голени при вылуцивании стопы». Она явилась результатом его последних хирургических исследований и открывала новый раздел хирургии – восстановительную хирургию. Костнопластической операцией Пирогов добился удлинения голени, в результате пострадавший мог ходить. Первоначально технику этой операции Николай Иванович разрабатывал на трупах и только после этого в условиях максимальной стерильности произвёл её на больном. Омертвлённая стопа, кроме пяточной кости, была удалена, а пяточную кость с аккуратно сформированным костным лоскутом Пирогов присоединил к двум костям голени. Выздоровев, больной свободно ступал на пяточную кость. Операция удалась, удачными были и её повторения, но профессора академии весьма холодно встретили новую оперативную технику и подвергли её необоснованной критике. Но в это время уже шла Русско-турецкая война, поэтому два последних научно-практических направления работы Н.И.

Пирогова оказались востребованными в военных условиях, поскольку они были направлены на лечение травм и восстановление посттравматических последствий, а война, как позже писал Пирогов, является «травматической эпидемией».

1 (13 по н. ст.) сентября 1854 г. началась англо-французская интервенция в Крыму. Русские войска вследствие неадекватных действий командования несли большие потери. Лазареты и госпитали были переполнены ранеными, а врачей и фельдшеров не хватало. 5 (18 н. ст.) октября началась осада Севастополя. В результате жестоких обстрелов число раненых ещё больше увеличивалось, был тяжёло ранен и вскоре погиб адмирал В.А. Корнилов, руководитель обороны южной зоны Севастополя. В такой ситуации Н.И. Пирогов не мог спокойно заниматься научной работой в Анатомическом институте и читать лекции. Он обращается к военному министру, к великой княгине Елене Павловне с просьбами направить его на фронт. Осенью Пирогов во главе группы хирургов, к которой затем присоединился отряд сестёр милосердия, сформированный под патронатом великой княгини Елены Павловны, командирует в Севастополь. По дороге в ноябре 1854 г. он сделал краткую остановку в Бахчисарае, где посетил госпиталь. Его поразило, что более трёхсот шестидесяти раненых были свалены на нары один возле другого. Причём раненые с гнойными ранеными лежали рядом с ранеными, чьи раны были чистые, заражая тех. Все обитатели госпиталя были голодны, многие завшивлены. По дороге в Севастополь Николай Иванович видел, как навстречу ему тянулись скрипучие фуры, гружёные окровавленными, небрежно перевязанными ранеными.

12 (24 н. ст.) ноября Н.И. Пирогов прибыл в Севастополь и отправился к главнокомандующему войсками и шефу Военно-морского ведомства князю А.С. Меншикову, который не пользовался авторитетом среди защитников Севастополя и был виновен во многих поражениях. Пирогов предъявил ему свои полномочия и стал рассказывать о том ужасном состоянии медицинской службы, с которым он только поверхностно столкнулся по дороге в Севастополь. Про госпиталь в Бахчисарае он сказал, его было «лучше бы не видеть». Меншиков, как бы оправдываясь ответил, что после кровопролитного сражения под Инкерманом положение с ранеными было ещё хуже.

Севастополь был переполнен ранеными. Несмотря на то, что госпиталем стало просторное здание Дворянского собрания, раненые лежали на телегах и просто во дворах и на улицах, порой находясь без пищи и воды. А врачей и фельдшеров также не хватало, как и в первые дни осады Севастополя, не хватало медикаментов и перевязочных материалов, эфира и хлороформа. По утрам Николай Иванович, облачившись в сапоги и солдатскую шинель, объезжал госпиталя и лазареты. Он давал указания, направленные на наведение санитарного порядка и касающиеся лечения раненых и сам оперировал наиболее тяжёлых из них. Нигде Н.И. Пирогов не оперировал так много, как в Севастополе. Здесь ему пришлось очень широко эффективно применять недавно изобретённую гипсовую повязку. За 12 дней Пирогов и его коллеги навели определённый порядок в госпиталях и лазаретах Севастополя.

На фронте в декабре отмечалось затишье. Теперь, используя опыт, впервые применённый при осаде Салтов на Кавказе, Н.И. Пирогов занялся организацией этапного лечения раненых. Необходимо было разгрузить госпитальную базу Севастополя. Для этого получивших первичную медицинскую помощь и прооперированных через 1 – 3 дня следовало отправлять для дальнейшего лечения в госпитали Симферополя и других городов Крыма, находящихся в ближайшем тылу. А нуждавшихся в более продолжительном лечении – направлять на долечивание в медицинские учреждения Украины и южной России. Реализуя систему этапного лечения, Пирогов сам проделал путь от Севастополя до Симферополя. По дороге он убедился, что раненые следуют в тряских телегах и фурах, не имея в пути пищи и тёплой одежды. Дорога сводила на нет усилия севастопольских хирургов – 10% раненых гибли в пути. Н.И. Пирогов поставил перед командованием вопрос о немедленном изменении такого положения. Но военная администрация, пронизанная воровством и коррупцией не спешила выполнять предписания великого хирурга и учёного.

В Симферополе Пирогов посетил губернатора Адлерберга и предупредил его, что, если такая скученность раненых будет и впредь, то начнётся вспышка инфекционных болезней. А этому будет способствовать и то, что на окраинах Симферополя десятки падших лошадей гнили в грязи, распространяя заразу. При содействии Н.И. Пирогова губернатор составил приказ, который регламентировал оказание медицинской помощи. Согласно этому приказу все прибывающие в Симферополь раненые прежде всего

должны пройти медицинский осмотр и сортировку и после этого госпитализироваться в различные отделения в зависимости от характера поражения. Старшим врачам предписывалось проводить внутригоспитальную сортировку раненых, лечащим врачам и фельдшерам – использовать при перевязках противовоспалительные средства, смотрителям госпиталей – обеспечивать надлежащее питание и содержание пострадавших, а также вентиляцию палат, аптекарям – обеспечивать госпитали медикаментами, наркозными веществами, хирургическим инструментарием, перевязочными материалами и гипсом. Невыполнение приказа предусматривало административную и уголовную ответственность. Так проявилась ещё одна грань огромного таланта Пирогова – крупного военно-медицинского администратора.

В Симферополе Н.И. Пирогов встретил командированный великой княгиней Еленой Павловной отряд сестёр милосердия Крестовоздвиженской общины и группу «сердобольных вдов», служивших при Мариинской больнице в Петербурге. Это было новым начинанием в России – впервые женский медперсонал направлялся на театр военных действий. Медсестёр из общины, присланных великой княгиней Пирогов отправил в Севастополь, Бахчисарай и Карасу-Базар, а вдов оставил в Симферополе. На местах он разделил медсестёр на перевязочных, сестёр-аптекарьш и сестёр-хозяек, а наиболее опытных выделил в качестве операционных сестёр. Кроме оказания помощи раненым Пирогов поручает медсёстрам нравственный присмотр и контроль административного попечения, что вызвало негодование смотрителей госпиталей.

В конце 1854 г. Николай Иванович уже в Севастополе, он оперирует, организует этапное лечение, борется с антисанитарией и казнокрадством. В ноябре 1854 г. в Севастополь прибыл молодой офицер Лев Толстой. В один из зимних дней он зашёл в госпиталь, где работал Пирогов. Молодого Толстого поразило невероятное трудолюбие великого хирурга. Весь бледный и истощённый от усталости Н.И. Пирогов перевязывал одного раненого за другим. Этот благородный образ врача в невероятных условиях продолжающего несмотря ни на что исцелять страждущих потряс начинающего писателя.

- Вы, главное, держите бастионы. А мы не подкачаем, дело своё знаем, - сказал Пирогов Льву Толстому и кинулся останавливать кровотечение у

раненого солдата. Позже Л. Толстой дал краткое, но исчерпывающее описание работы перевязочного пункта в рассказе «Севастополь в мае».

В начале 1855 г. работы у Пирогова значительно прибавилось. Это было обусловлено усилением обстрела города, в результате чего количество раненых и пострадавших возросло почти вдвое. Несмотря на меры этапного лечения и эвакуации легкораненых, которые пытался наладить Н.И. Пирогов, раненые находились в условиях чрезмерной скученности. Поэтому стали появляться случаи тифа. От больных заражались и здоровые солдаты. Николай Иванович, имевший опыт борьбы с холерой, начал налаживать противоэпидемические мероприятия, он требовал неукоснительного соблюдения в военно-медицинских учреждениях и строевых частях правил гигиены. Впоследствии он писал: «Я верю в гигиену ... Будущее принадлежит медицине предохранительной».

В конце зимы 1855 г. умер император Николай I. Его сын Александр II провёл некоторые перестановки в руководящем составе действующей армии. Князь А.С. Меншиков был отстранён от должности главнокомандующего и заменён князем М.Д. Горчаковым, дополнительные полномочия получил военный губернатор Севастополя и командир Севастопольского порта вице-адмирал П.С. Нахимов, очень заботившийся о солдатах и матросах. С одной стороны, Пирогову стало легче работать, т. к. Нахимов посещал госпиталь и выполнял все просьбы и предписания, касающиеся обеспечения и эвакуации раненых, с другой – сложнее в результате сильнейшей бомбардировки Севастополя в марте 1855 г. Чтобы решить проблему транспортировки раненых в госпитальную базу ближнего тыла Н.И. Пирогов обратился к новому главнокомандующему Горчакову и его начальнику штаба Коцебу. Однако М.Д. Горчаков переадресовал обращение Пирогова к генерал-штаб-доктору Шрейдеру, отношения с которым ввиду его медлительности и недостаточной компетентности у Николая Ивановича были весьма натянутыми.

А содержание раненых в осаждённом городе ухудшалось. Наряду с тифом стали распространяться дизентерия и малярия. Удручённый Пирогов пошёл к начальнику штаба Коцебу и прямо заявил ему:

- Как Вы смеете так издеваться над русским солдатом?

Генерал стал передёргивать факты и перекладывать вину с одного ответственного на другого. В итоге разговор ничего не дал. Неудовлетворённый этим Н.И. Пирогов в тот же вечер подал докладную

записку главнокомандующему. На утро Горчаков вызвал Пирогова, генерал-штаб-доктора Шрейдера и начальника полицейской службы при штабе армии, выполнявшего также ряд хозяйственных функций. Вместе они поехали в больничный лагерь. Увидев творящиеся безобразия главнокомандующий устроил разнос Шрейгеру, но никаких реальных мер не принял, а, сославшись на занятость, вернулся в главную квартиру.

В первой половине апреля произошла вторая бомбардировка Севастополя, ещё более разрушительная, чем первая. Солдаты и офицеры, врачи и сёстры милосердия на передовой проявляли героизм и мужество, показывали образцы самоотверженного труда, а командование, военные чиновники и интенданты демонстрировали равнодушие, недобросовестность и некомпетентность, а порой, что было особенно безнравственно, вели праздный образ жизни во время этой кровавой вакханалии. Солдаты и матросы сражались геройски, но вражеские пули не щадили их. Поток раненых всё нарастал. Н.И. Пирогов и его коллеги не выходили из перевязочных пунктов, лазаретов и госпиталей. Пирогов организовал их работу «по цепочке». Один врач давал наркоз, другой оперировал, третий останавливал кровотечение и перевязывал. Это ускоряло обслуживание раненых и повышало эффективность оказания медицинской помощи. Одновременно Николай Иванович стал более тщательно проводить сортировку раненых. Этот метод он начал применять на Кавказе. Однако в столь широких масштабах он применил сортировку именно в эти дни. Сортировать раненых на лёгких и тяжёлых, гнойных и чистых, с поражениями психики и без таковых, а также по другим признакам было крайне необходимо в столь тяжёлых боевых условиях. Осуществлялась сортировка так: поступающие раненые клались в один ряд, а врач, осматривая каждого, давал распоряжение в какой очередности и в какое отделение госпитализировать того или иного раненого. Благодаря этому общий поток раненых на главном перевязочном пункте не задерживался, что давало возможность беспрепятственно проводить дальнейшую эвакуацию. Хотя эффективность сортировки была очевидна, генерал-штаб-доктор Шрейбер подверг критике этот метод и даже препятствовал его распространению.

После всего этого измученный невероятным трудом и противодействием военной администрации Пирогов заболел и пролежал 4 недели. Едва выздоровев, у него начались столкновения с куратором медицинской службы действующей армии генералом Ушаковым, безразличие которого по

отношению к раненым поражало Николая Ивановича. В итоге его физические и духовные силы были на исходе. Н.И. Пирогов решил поехать в Петербург, чтобы «чем-нибудь способствовать перемене военно-врачебного дела в Севастополе к лучшему». Об этом он пишет письма начальнику Военно-медицинского департамента В.В. Пеликану и великой княгине Елене Павловне. К лету пришёл ответ с разрешением, и в июне 1855 г. Николай Иванович выехал в Петербург.

В столице Н.И. Пирогов подаёт военному министру В.А. Дол-горукову записку, в которой излагает план совершенствования военно-медицинского обеспечения действующей армии в Крыму. В конце концов министр разослал копию записки Пирогова ряду ответственных лиц, связанных с военными действиями, и без ведома Николая Ивановича - М.Д. Гор-чакову. Тот дипломатично ответил Долгорукову, что Пирогов многого не понимает в войне, но в то же время он считает целесообразным его возвращение в Крым и осуществление некоторых его намерений.

А ситуация в Севастополе всё ухудшалась. Погиб любимец защитников города, его военный губернатор П.С. Нахимов. Медицинская служба разваливалась. Интенданты продавали неприятелю медикаменты и перевязочные материалы. А в это время Н.И. Пирогов приглашённый великой княгиней Еленой Павловной на вечер императорского двора встречался с новым царём.

- Господин Пирогов, скажите мне одно. Это правда, что чиновники обворовывают в Крыму всю армию? – спросил император.

Николай Иванович ответил положительно и стал конкретизировать свой ответ. Однако недовольный им Александр II прервал разговор. Тем не менее ввиду критичности ситуации в сентябре 1855 г. Н.И. Пирогов снова командирован в Севастополь как чрезвычайный военно-медицинский уполномоченный с подчинением непосредственно главнокомандующему и по специальной части – Военно-медицинскому департаменту.

Вместе с Н.И. Пироговым в Севастополь выехал только что получивший диплом врача Сергей Боткин, впоследствии крупнейший терапевт, основоположник пропедевтики внутренних болезней и военно-полевой терапии. Оказавшись в пороховом дыму Севастополя, Николай Иванович был доволен своим молодым помощником. Однако ряды защитников города таяли, как снег. Не хватало не только лекарств и бинтов, но ружей и

снарядов. Солдаты и матросы бились кирками, лопатами и камнями. Но силы противника превосходили. Встал вопрос об оставлении Севастополя. В этих условиях Пирогов уже не мог реализовать свой план. Он вынужден был принимать только паллиативные меры, касающиеся организации военно-медицинской службы, и оперировал без конца. В те дни здание Дворянского собрания, где в начале обороны Севастополя был развернут передовой госпиталь, а затем центральный перевязочный пункт, представляло собой груду дымящихся развалин. Раненых спешно перевязывали и оперировали под открытым небом. Н.И. Пирогов решил развернуть центральный походный госпиталь в Бельбекской долине. Здесь он очень много оперировал, производя более 10 ампутаций в день.

В конце сентября 1855 г. Пирогов переехал в Симферополь. Здесь он организовал более эффективную работу госпиталей ближайшего тыла. В ноябре Симферополь посетил Александр II, побывавший в нескольких госпиталях, заранее «начищенных» к императорскому визиту. Н.И. Пирогов был приглашён на высочайшую аудиенцию, но не пришёл на неё, поскольку был занят на операциях. К тому же за день до этого М.Д. Горчаков просил его не жаловаться государю, а Пирогову негоже было присутствовать перед императором с «завязанным языком».

Тем временем наступила зима. Дров для отопления госпитальных барачков не хватало. Раненые и больные простуживались, появились случаи тифа и дизентерии. В расквартированном в районе Перекопа Гренадёрском корпусе вспыхнула эпидемия дизентерии и малярии. Вследствие отсутствия подвоза свежей воды солдаты пользовались для питья болотной водой, к тому же они жили в сырых землянках. В итоге заболело более 7 тысяч человек, ещё не участвовавших в боевых действиях. Сюда для работы в инфекционных госпиталях по поручению Пирогова прибыл С. Боткин.

Севастополь был сдан, боевые действия стали затихать. В конце 1855 г. Н.И. Пирогов отправился обратно в Петербург по путям эвакуации раненых. Им было проинспектировано более 70 госпиталей в Перекопе, Николаеве, Екатеринославе, Харькове, которые были переполнены ранеными, отморожившими конечности во время транспортировки в открытых санях при 20-градусном морозе, тифозными и дизентерийными больными. Чем мог Николай Иванович старался помочь этим страдающим людям, порой жертвуя личные сбережения.

Обобщая опыт Крымской войны Н.И. Пирогов написал: *«Не медицина, а администрация играет главную роль в помощи раненым и больным на театре войны»*. Это были пророческие слова, которые оказались применимыми не только к деятельности военной медицины в полевых условиях, но и гражданской медицины в условиях мирного времени.

Посетив любимую с детства Москву, Николай Иванович прибыл в Петербург и в апреле 1856 г. подал президенту Медико-хирургической академии заявление об отставке в связи «с ухудшившемся состоянием здоровья». Академическое начальство довольно пренебрежительно отнеслось к судьбе севастопольского подвижника. Ещё до выхода высочайшего указа его кафедру занял новый профессор, ставленник администрации академии. Царь же, подписав отставку Н.И. Пирогову, наградил его только орденом Св. Владимира III степени с мечами. А Николай Иванович в это время работал над обобщающим его военный опыт трудом «Начала общей военно-полевой хирургии».

В это время Пирогов вернулся к своим педагогико-теоретическим изысканиям, к которым он приступил в начале 1850-х гг. В результате появилась большая серьёзная статья «Вопросы жизни», в которой автор с философских и нравственных позиций анализирует процессы воспитания и образования молодого поколения. В этой работе Н.И. Пирогов решительно осудил сословную направленность и раннюю специализацию образования, бюрократические порядки в образовательных учреждениях. В статье он утверждал, что не «солдат и механик нужен обществу, а человек духовно развитый и разносторонний, умеющий критически смотреть на жизнь и общество». Далее он рассуждал об общем назначении и призвании человека в жизни: «Дайте выработаться и развиваться внутреннему человеку! Дайте ему время и средства подчинить себя наружному человеку, и у вас будут и негоцианты и солдаты, и моряки, и юристы; а главное у вас будут люди и граждане». Он утверждал, что все, готовящиеся быть истинными гражданами должны, в первую очередь, научиться быть людьми, и каждый человек должен научиться свободно и самостоятельно мыслить. Статья Н.И. Пирогова была опубликована в июльском номере журнала «Морской сборник», издание которого курировал великий князь Константин Николаевич. Она вызвала широкий общественный резонанс. Известный герой обороны Севастополя получает известность как теоретик педагогики и неординарный мыслитель.

Восхищённая этой статьёй, великая княгиня Елена Павловна хлопочёт о получении Н.И. Пироговым достойной должности на образовательном поприще. И в сентябре 1856 г. его определили попечителем Одесского учебного округа. Этому способствовало и то, что недавно назначенный министр просвещения А.С. Норов искал новых попечителей учебных округов среди неординарно мыслящих чиновников. 3 (16 по н. ст.) 1856 г. был подписан высочайший указ, согласно которому было повелено «совещательному члену медицинского совета Министерства внутренних дел, заслуженному профессору, действительному статскому советнику Пирогову исполнять должность попечителя Одесского учебного округа».

Ознакомив А.С. Норова с программой своих действий на новом поприще, в октябре 1856 г. Николай Иванович переехал в Одессу. Должность попечителя учебного округа захватила его интересы, и Пирогов с присущим ему энтузиазмом окунулся в организацию учебного дела. Для выяснения состояния учебного дела в вверенном ему округе он посещает все учебные заведения в городах и сёлах, знакомится с бытом учащихся и преподавателей, присутствует на уроках. Он обращает внимание общественности на бедственное положение учителей.

Зимой 1857 г. Пирогов посылает министру Норову докладную записку «О ходе просвещения в Новороссийском крае и вопиющей необходимости преобразования учебных заведений». Николай Иванович обращает внимание на плохое состояние учебного оборудования, на формализм в оценке знаний учащихся, на формализм в оценке знаний учащихся, на неправильное распределение предметов обучения на главные и второстепенные. Н.И. Пирогов стремится реформировать учебно-воспитательный процесс, освежить его новыми идеями, изжить казёнщину. Он придаёт большое значение развитию наблюдательности у учащихся. Николай Иванович добивается, чтобы учителя в процессе преподавания держали класс в постоянном учебном напряжении и обращались к каждому учащемуся с наводящими вопросами.

А ещё он мечтал создать в Новороссийском крае университет. К настоящему моменту единственным в Одессе учебным заведением, объединяющим среднее и частично высшее образование был Ришельевский лицей. Его ещё в 1805 г. организовал одесский военный губернатор Ришелье на базе частного пансиона французского эмигранта де Вольпена как «Благородный воспитательный институт». В 1817 г. последний был

объединён с коммерческой гимназией и стал лицеем. В нём было 4 отделения: физико-математическое, юридическое, коммерческое и восточных языков. Но ко времени приезда Пирогов в Одессу Ришельевский лицей уже не шёл в ногу со временем. Но он бы мог получить новую жизнь, если бы был преобразован в университет. Об этом Н.И. Пирогов обращается с запиской на высочайшее имя. В качестве аргумента за открытие университета им был приведён и такой: молодёжь Балкан тянется к русскому образованию, поэтому университет, готовящий кадры для народов Балканского полуострова, будет способствовать укреплению российского влияния в этом регионе, т. е., говоря современным языком, нести геополитическую функцию. А.С. Норов поддержал перед царём полезную идею Пирогова, однако в силу ряда причин (в первую очередь, в силу нехватки ресурсов после Крымской войны) её пришлось отложить.

Хотя идею преобразования Ришельевского лицея в университет в то время не удалось реализовать, Николай Иванович проявлял большую заботу об этом учебном заведении. Так, в письме «О приёмных экзаменах в Ришельевском лицее» товарищу (заместителю) министра просвещения князю П.А. Вяземскому он развивал проект профессор лицея А.В. Лохвиц-кого об упорядочении приёмных экзаменов в лицее. Министерство положительно решило этот вопрос и в результате учащиеся, закончившие гимназический курс, стали приниматься в лицей без вступительных экзаменов. К генерал-губернатору края графу А.Г. Строганову Н.И. Пирогов обращается с просьбой об учреждении музыкальных концертов в Ришельевском лицее, которая была удовлетворена. Являясь по должности цензором местных изданий, Пирогов с согласия генерал-губернатора передаёт редактирование местной газеты «Одесский вестник» в ведение Ришельевского лицея, редакторами газеты стали профессора А.М. Богдановский и А.И. Георгиевский. Газета получила прогрессивно-либеральное направление, поэтому вскоре А.Г. Строганов пожалел о своём решении.

Но и другие вопросы находились в поле внимания Николая Ивановича как попечителя учебного округа. В сентябре 1857 г. он обращается к П.А. Вяземскому с запиской «О публичных лекциях по педагогике», в которой он ставит вопрос о необходимости распространения в обществе научных знаний о воспитании. Затем он обращается к министру с письмом «О замене маршировки преподаванием гимнастики». И эти вопросы решаются положительно. И, наконец, Пирогов выступает за ограничение телесных

наказаний. Решение этого вопроса входило в компетенцию генерал-губернатора. Строганов нехотя подписал соответствующий циркуляр, но в отношении излишне ретивого попечителя у него возникло негативное предубеждение.

Тем в то время в Петербурге благожелательно относившегося к Н.И. Пирогову министра А.С. Норова сменил Е.П. Ковалевский. К тому же генерал-губернатор А.Г. Строганов жаловался царю на «назойливого и излишне либерального» предводителя учебного округа. Вторивший ему предводитель дворянства Касимов писал Александру II, что деятельность Пирогова ведёт к вольнодумству и беззаконию. В результате в июле 1858 г. Николай Иванович был переведён попечителем в Киевский учебный округ.

Но и переехав в Киев, Пирогов продолжает быть неутомимым реформатором российского образования. Он сразу же приступает к преобразованию деятельности педагогических советов гимназий и народных училищ. Затем он ставит вопрос об открытии педагогической семинарии при Киевском университете св. Владимира и добивается этого от министра Ковалевского. Педагогическая семинария была открыта в январе 1859 г., однако в августе 1860 г. была реорганизована в педагогические курсы.

В Киеве у Н.И. Пирогова появилась идея создания школ в России, которые должны были бы служить распространению грамотности среди широких слоёв народа. В сентябре 1859 г. он самостоятельно организует первую воскресную школу для детей рабочих и бедняков в здании Киево-Подольского дворянского училища. И уже как о состоявшемся факте информирует генерал-губернатора И.И. Васильчикова. После этого смелого шага Пирогов добивается у генерал-губернатора разрешения на добровольную помощь студентов университета воскресным школам. В результате воскресные школы стали открываться во всём Киевском учебном округе. Однако И.И. Васильчиков, учитывая факт неблагонадёжности учителей воскресных школ предлагает «установить строгий надзор, чтобы обучение в них соответствовало желаниям и видам правительства».

Будучи попечителем Киевского учебного округа, Николай Иванович добивается постоянного повышения квалификации молодых врачей. В начале 1859 г. Совет Киевского университета обсуждает «разрешение попечителя оставлять при университете на полугодие и более для совершенствования в практических навыках, в частности, медикам» и принимает его к исполнению.

Смелость и независимость суждений и действий Пирогова послужила, как и в Одессе, возникновению неприязни к нему со стороны Киевского генерал-губернатора. Этому способствовало и недовольство высших киевских чинов деятельностью Николая Ивановича. Напуганный ростом революционного движения, генерал-губернатор И.И. Васильчаков требует от Н.И. Пирогова усиления тайного полицейского надзора за студентами университета. Но Пирогов не выполняет этого требования. В январе 1860 г. правительством было принято постановление, согласно которому студенты должны подчиняться общему надзору полиции и повиноваться университетскому начальству вне зданий университета. Пирогов игнорирует и это постановление.

В результате над Николаем Ивановичем снова сгустились тучи. Его вызывают на разговор к царю. В этой встрече участвует попечитель соседнего Харьковского учебного округа Зиновьев, причём она оказалась больше похожей на диалог последнего с Александром II, в котором Зиновьев рассыпался в верноподданнических заявлениях. Пирогов же больше молчал. 13 (26 н. ст.) марта 1861 г. высочайшим указом он был уволен в отставку под предлогом «расстроенного здоровья с оставлением членом Главного совета училищ». Прогрессивные же педагогические начинания Н.И. Пирогова были по достоинству оценены крупными отечественными педагогами: К.Д. Ушинским, В.Я. Стоюниным, А.Н. Остроградским и др.

Теперь Николай Иванович переезжает в село Вишню Винницкой губернии, где он приобрёл небольшое имение. В крестьянской хате он оборудует небольшую благотворительную больничку, где принимает больных и делает хирургические операции. В мае 1861 г. в связи с введением после Манифеста об отмене крепостного права института мировых посредников, Н.И. Пирогов утверждается участковым мировым посредником. В его участок вошли 3 волости Винницкого уезда: Носковецкая, Больше-Жмеринская и Станиславчинская. Николай Иванович принялся активно разрешать споры между помещиками и крестьянами, следить за землемерными работами и оспопрививанием. На мировых съездах он активно поддерживал интересы крестьян. Но через год Пирогов оставил должность мирового посредника.

В это время очередной министр просвещения А.В. Головин, сочувствующий Н.И. Пирогову, решил опять вернуть его на государственную службу в качестве инспектора подготовки молодых

российских специалистов и учёных за границей. Николай Иванович с удовольствием принял новое назначение. В мае 1862 г. он во главе значительной группы откомандированных специалистов и молодых исследователей, куда входили ставшие впоследствии крупными учёными А.Н. Веселовский, В.И. Герье, И.О. Ковалевский, А.А. Потебня, Н.С. Таганцев, выезжает в Гейдельберг.

Н.И. Пирогов был очень внимателен к своим питомцам. Он оказывал им многогранную помощь. Двухгодичный срок пребывания в заграничной командировке Николай Иванович считал недостаточным, особенно для будущих учёных. Поэтому он учил своих питомцев не рассеивать силы на изучение всех частей той или иной науки, а стремиться изучать под руководством именитых наставников наиболее важные фрагменты избранной науки, чтобы затем уже найти ей дальнейшее приложение. Пирогов сразу определял характер будущей деятельности своих подопечных, что давало возможность впоследствии рекомендовать молодых профессоров на открывающиеся кафедры российских вузов.

В Гейдельберге Николай Иванович собирался читать курс лекций в знаменитом Гейдельбергском университете, но его руководство тянуло с решением этого вопроса. В силу же своего характера Пирогов не смог долго ждать. И он уехал в Италию, где находилась часть российских стажёров. Здесь по просьбе передовых студентов и стажёров из России он консультировал раненого Гарибальди, героя итальянского освободительного движения. Н.И. Пирогов не стал сразу делать операцию, а назначил эффективную на первых порах консервативную тактику лечения, в результате которого пуля, застрявшая возле наружного мыщелка, через 4 недели была легко извлечена. Д. Гарибальди был очень признателен Николаю Ивановичу и они долго потом переписывались.

Затем Пирогов посетил университеты Швейцарии, Франции и Англии. О своих впечатлениях он сообщил в письмах министру Головину. В 1863-1864 гг. они были опубликованы в газете «Голос» под заголовком «Письма из Гейдельберга». Эти письма проникнуты идеями гуманизма и заботой о судьбе молодого поколения. В них Н.И. Пирогов предстаёт как смелый педагог-реформатор, в них ощущается богатый жизненный опыт и сравнительная наблюдательность по отношению к передовой для того времени западноевропейской системе образования. Николая Ивановича очень волнует судьба университетов в России. Он считает, что российские

университеты должны быть самыми передовыми. А для этого они должны быть самостоятельными и обеспечивать достаточный уровень свободы мысли и слова. Университеты должны быть хорошо оснащены. Им следует усилить влияние на гимназическое образование. К этим тезисам Пирогова прислушивались в Министерстве просвещения, потому что он как никто другой познал всю систему российского образования, понимал причины его отставания и как истинный патриот видел пути её реформирования. Своим действенным патриотизмом он не давал покоя чиновникам, даже находясь за границей.

Вернувшись в Гейдельберг, Николай Иванович продолжает работать над начатым сразу после Крымской войны трудом «Начала общей военно-полевой хирургии» и завершает его. Лейпцигский издатель Ламиль предлагает Пирогову перевести его работу на немецкий язык и выпустить её за счёт средств издателя. В 1863 и 1864 году в Лейпциге были изданы два тома этой фундаментальной работы. Как только книги вышли в свет, ими заинтересовались в России. После хлопот А.В. Головина «Начала общей военно-полевой хирургии», значительно дополненные и расширенные, были изданы в Петербурге в 1865 г. Книга имела огромный успех как в России, так и в Германии, впоследствии была издана на других языках.

В апреле 1866 г. впервые в России было совершено покушение на императора. Начался период реакции. Назначенный министром просвещения обер-прокурор Синода Д.А. Толстой, стремясь ограничить образованное российское общество от либерального влияния Западной Европы, принял решение больше не посылать российских выпускников на стажировку в зарубежные университеты. Таким образом сокращался круг обязанностей инспектора Пирогова. К тому же новому министру не нравилось, что Николай Иванович принимал участие в лечении Гарибальди, не нравилось его материалистическое мировоззрение великого учёного и патриота. Летом 1866 г. Н.И. Пирогов был окончательно отправлен в отставку. Ему была назначена соответствующая пенсия и как чиновник достаточно высокого ранга – Пирогов к тому времени был тайным советником – был оставлен состоять при Министерстве просвещения.

Николай Иванович вернулся на свои 16 десятин земли в Вишню. Он пытался наладить здесь хозяйство. Но молва об искуснейшем докторе вызвала к нему поток страждущих. Скоро он вынужден был построить вторую хату для содержания оперированных, т. к. в первой он только

оперировал и перевязывал (а со временем - и третью маленькую хатку для аптеки). Оказался у него и верный помощник – фельдшер времён Крымской войны У. Окопник, который за стол и кров согласился помогать Пирогову. Н.И. Пирогов в таких условиях делал сложные операции – ампутации, резекции суставов, лиготомии. И ни разу у него не было гнойных осложнений. Это Николай Иванович объяснял тем, что все оперированные, хотя и находились в тесных условиях, были разделены и дышали благотворным деревенским воздухом. В своём скромном имении Пирогов развёл огород лекарственных растений.

В июле 1870 г. Российское общество попечения о раненых и больных воинах (впоследствии Общество Красного Креста) предложило Н.И. Пирогову поехать на театр франко-прусской войны в качестве специального уполномоченного в агентстве Международного Красного Креста. Пирогов ответил, что быть уполномоченным в силу возраста он уже не может, а согласен отправиться в район боевых действий, чтобы оценить работу военно-санитарных учреждений. В сентябре 1870 г. Николай Иванович выехал в Петербург, где к нему присоединился известный врач-гигиенист И.В. Бертенсон, почётный лейб-медик и редактор «Вестника Общества попечения о раненых и больных воинах». В конце сентября они выехали в Берлин. Здесь они осмотрели военные госпитали и лазареты. Затем Пирогов поехал к линии фронта. В течение 5 недель он осмотрел 70 военных лазаретов, побывав в Саарбрюкене, Релилье, Пон-а-Муссоне, Горзе, Нанси, Страсбурге, Карлсруэ, Швецингене, Мангейме, Гейдельберге, Штутгарте, Дармштадте и Лейпциге.

Страсбург напомнил Николаю Ивановичу Севастополь. Этот город также принуждали к сдаче бомбардировками, но разрушен он был меньше, потому что продержался всего 6 недель. В результате обстрелов пострадали госпитали и лазареты, хотя на них вывешивались флаги Красного Креста, что было новостью во время ведения боевых действий. В страсбургских лазаретах Н.И. Пирогов увидел большое количество раненых женщин и детей с ампутированными конечностями. Это происходило потому, что остававшиеся в городе жители часто выходили на улицу и в силу неосторожности попадали под непрекращающийся огонь, который разрушал не только отдельные дома, но и целые улицы. Здесь Пирогов столкнулся также с бедственным положением войск. Отдельные части располагались под дождём без палаток. Тем не менее Николая Ивановича приятно удивила

своевременная сортировка раненых и система их развоза в прусских войсках. Немецкие врачи с большим уважением отнеслись к русскому хирургу-учёному. Практически все его рекомендации неукоснительно выполнялись. Пирогов участвовал в перевязках раненых и произвёл несколько показательных операций.

Прибыв в Петербург, Н.И. Пирогов представил «Отчёт о посещении военно-санитарных учреждений в Германии, Лотарингии и Эльзасе в 1870 году», в котором он подробно описал мероприятия, облегчающие участь раненых. Так, для сбора их с поля боя следовало создавать большое число санитарных бригад. В госпиталях и лазаретах нужно было увеличивать количество обслуживающего персонала. С особой тщательностью следовало подойти к транспортировке раненых. В отчёте Пирогов указал на актуальность частной помощи военной медицине. С одной стороны, на средства частных жертвователей в Германии развёртывалась значительная часть госпиталей и лазаретов, приобретались медикаменты и перевязочные материалы, с другой – широко была распространена практика долечивания раненых и больных на попечении семей-добровольцев в их домах. В этом отчёте ещё раз проявился блестящий талант Н.И. Пирогова, его наблюдательность и широкий научный кругозор. Его критический подход к недостаткам всегда основывался на богатом личном опыте и беспокойстве о судьбах раненых и больных. Пирогов в целом осудил войны как метод решения международных противоречий и потребовал их предупреждения и полного искоренения.

И опять Николай Иванович оказался в своём скромном имении в сельце Вишня, где жизнь текла привычным ему образом. Лишь изредка общественные проявления вносили в неё разнообразие. Так, в 1872 г. Пермская земская управа обратилась к Н.И. Пирогову за советом по поводу организации в губернии предупредительной медицинской помощи. Пирогов со свойственным ему энтузиазмом откликнулся на это положительное начинание и в апреле 1872 г. послал в Пермь записку «О земской медицине». Пирогов предложил земству шире проводить оспопрививание, выявлять случаи заболевания сифилисом, а для предупреждения эпидемий рекомендовал создать санитарную комиссию.

Размеренную жизнь в Вишне Николаю Ивановичу пришлось прервать осенью 1877 г., когда он получил приглашение Российского общества попечения о раненых и больных воинах поехать в Болгарию для

инспектирования военно-санитарных учреждений. В это время уже шла Русско-турецкая война. Будучи страстным патриотом, несмотря на свой солидный возраст, Пирогов принял предложение и в конце октября 1877 г. вместе с прикомандированным к нему врачом С.И. Шкляревским пересёк Дунай. В Боготе он был радушно принят главнокомандующим Дунайской армией великим князем Николаем Николаевичем, который разрешил Н.И. Пирогову обращаться к нему с любыми предложениями в любое время. Пирогов осмотрел ряд госпиталей и участвовал в перевязках раненых. Затем он прибыл в Систово, где столкнулся с фактом переполнения лазаретов и госпиталей. В бараках, где лежали раненые и больные, царила духота, от которой Николай Иванович упал в обморок. Он немедленно предписал проветривать бараки, а раненых, способных к передвижению, выводить на улицу.

Продвигаясь в глубь территории Болгарии, Н.И. Пирогов столкнулся с эпидемией тифа. По совету находившегося здесь, ставшему к тому времени блестящим клиницистом С.П. Боткина, больных окунали в целебные воды реки Янтры, что снижало их температуру тела. Таким образом ученик и помощник Пирогова по Крымской кампании предложил метод, лежавший в основе бальнеотерапии. Николай Иванович с радостью приветствовал эффективные меры облегчения страданий больных.

Наступала зима, а отопление палаток прифронтовых лазаретов практически отсутствовало. Выявились и другие нарушения военно-медицинского обеспечения. С большими трудностями происходила перевозка раненых. У Пирогова опять начались столкновения с военной администрацией. Тем не менее по его настоянию в штат войсковых подразделений были включены носильщики, чтобы не прибегать к помощи солдат, которые покидали поле боя, сопровождая раненых в ближайший тыл. Эта инициатива Н.И. Пирогова имела не только медицинское, но и военно-тактическое значение.

В феврале 1878 г. на основе рекомендаций Пирогова была создана специальная комиссия для оздоровления местностей, занятых Дунайской армией, которую возглавил генерал-майор Ф.А. Фулом. В качестве консультанта комиссии Главное военно-медицинское управление пригласило известного врача-гигиениста Ф.Ф. Эрисмана. Он составил инструкцию по предупреждению дальнейшего распространения инфекций, которая предусматривала производство массовой дезинфекции госпитальных

помещений, раненых, больных, их личных вещей; организацию специальных дезинфекционных отрядов; изоляцию инфекционных больных; вывоз из селений дислокации войск трупов и нечистот.

Однако для инфекционных больных не было достаточного числа госпиталей. Поэтому тиф и другие инфекции распространялись по всем направлениям. В эвакуационном госпитале во Франшети из-за скученности раненых появились случаи чумы. Николай Иванович, пренебрегая опасностью, осматривал всех подозреваемых. При этом он как бы превращался в терапевта-инфекциониста, и его предписания были непререкаемы. Не только риску заражения подвергался великий врач-учёный. Часто на лазареты и госпитали нападали турки, убивая раненых и персонал. А во время посещения передовой Пирогов попадал под шквальный обстрел. Во время одной из таких okazji Н.И. Пирогов чуть не погиб от турецкой пули. Однако желание во что бы то ни стало помогать раненым и больным было для великого врача выше всего. Мужеству Николая Ивановича можно было только позавидовать. На этот раз его гражданский подвиг был оценён по заслугам: по возвращению в Россию Н.И. Пирогов был награждён орденом св. Анны I степени.

Вернувшись летом 1878 г. в Вишню, Пирогов начал работать над трудом «Военно-врачебное дело и частная помощь на театре войны в Болгарии и в тылу действующей армии в 1877-1878 гг.», ставшим продолжением «Начал военно-полевой хирургии». В этой итоговой работе Николай Иванович обобщил свои взгляды на основные принципы военной медицины. Он всесторонне рассмотрел вопросы медицинского обеспечения войск в оперативном, тактическом и стратегическом аспектах и подробнейшим образом описал состояние военно-медицинской службы во время последней Русско-турецкой войны. Пирогов изложил все события с необыкновенной правдивостью и откровением.

Николай Иванович отметил недостатки лечебно-эвакуационного обеспечения, отсутствие целенаправленной подготовки медицинской службы при форсировании Дуная. Он подчеркнул, что силы и средства частной помощи использовались нерационально и вводились в действие несвоевременно из-за отсутствия как взаимодействия с органами военно-медицинского управления, так и между различными звеньями организации частной помощи. Негативную роль сыграло стремление частной помощи к чрезмерной самостоятельности и к «бесполезной роскоши частных лазаретов».

Важнейшим аспектом, прозвучавшим в этой работе с ещё большей силой, чем в отчёте о пребывании на франко-прусской войне, стала гуманистическая идея Н.И. Пирогова о недопустимости войны в человеческой практике. Постоянно совершенствующиеся орудия войны наносят людям массу травм от лёгких до самых тяжёлых и не совместимых с жизнью. Войны несут людям также вспышки инфекционных болезней и множество лишений, которым подвергаются как военнослужащие, так и мирное население. Поэтому важнейшей задачей мирового сообщества является полное искоренение войн. В 1879 г. этот труд Пирогова был издан в России.

В последние годы жизни к Николаю Ивановичу приходит небывалое духовное озарение. В это время он работает над своей исповедью – «Дневником старого врача», который явился необычным произведением (его нельзя отнести к какому-либо жанру). «Дневник» стал очень плотен по своему содержанию, в нём биографические моменты переплетались с рассуждениями о жизни, любви и смерти. «Вера в бессмертие, - писал Пирогов, - основана на чём-то ещё высшем, чем сама любовь. Теперь я верю, или желаю верить в бессмертие не только, не только, что люблю жизнь за любовь мою ..., моя вера в бессмертие основана теперь на другом нравственном начале, на другом идеале».

В «Дневнике» Пирогов рассказывает о детстве, трудной юности, заполненной познанием и работой молодости. При этом он не жалуется, а воспринимает всё как должное. Он говорит, что у человека, выбравшего своей профессией науку, должна быть необыкновенной тяга к ней и он должен постоянно жаждать её – тогда «в нужде нужды ты не будешь знать». В «Дневнике» Николай Иванович подводит итоги сделанному. Он пытается разобрать свой жизненный путь, проанализировать его и, найдя сделанные ошибки, открыто о них заявить. Н.И. Пирогов демонстрирует критическое отношение к себе и своей деятельности, причём он безжалостен к себе, ибо считал за правило не скрывать перед людьми ни своих заблуждений, ни своих неудач.

1 (14 н. ст.) марта 1881 г. был убит император Александр II. Это событие побудило Пирогова высказать свой взгляд на проблему терроризма, которая актуальна и в наши дни. «Между государственным и простым убийством нет никакого различия», - утверждает он. «Стремление молодёжи к сближению с народом заслуживает самого серьёзного внимания и не одной

администрации, а истинно государственных людей. - пишет Николай Иванович, - Причину этого курьёзного стремления кроме интернациональной, социалистической пропаганды, я нахожу, главное, в том, что у нас нет настоящего культурного сословия». Главной причиной революционного брожения, доходящего в крайних случаях до террористических актов, Пирогов видит в незавершённости реформ. При их проведении везде отмечались отклонения от первоначально данного реформам направления. Отсюда возникло недовольство, которым воспользовались крамольники-террористы. И как меру предотвращения крамолы Николай Иванович предлагает: «Пора, пора обратить внимание на регулирование стихийной силы, оставшейся после её освобождения, с такой же стихийной, как и прежде, а потому служащей столько времени приманкой для утопистов и злонамеренных людей».

В мае 1881 г. российская общественность приняла решение отметить в Москве недавно прошедший 70-летний юбилей Н.И. Пирогова и 50-летие его научно-педагогической деятельности. Организатор торжеств профессор Н.В. Склифосовский, работавший вместе с Николаем Ивановичем в Болгарии, обратился к царю за одобрением. Получив от Александра III согласие, он поехал в Вишню к Пирогову. После уговоров юбиляр дал согласие. Торжества должны были состояться в его родном Московском университете.

Русские люди ценили великого учёного, уважали его, гордились им. Огромная толпа встречала Н.И. Пирогова на Курском вокзале. Студенты и врачи поднесли ему хлеб-соль, и Николай Иванович от радости растерялся. «Да здравствует патриарх русской хирургии!», «Слава русскому корифею Пирогову!», - кричали вокруг. Прямо на перроне Н.И. Пирогов произнес первую после стольких лет отсутствия в Москве речь. Было ощущение, что перед собравшимися выступает мудрый старец, до того был открыт душой Николай Иванович. Пирогов говорил, что он, «хотя не жил в Москве, но сердце всегда стремилось к ней». После речи к нему, с трудом пробиваясь сквозь толпу, подошёл художник И.Е. Репин. Он попросил Н.И. Пирогова разрешить написать его портрет и сделать его бюст, и тут же получил согласие. В тот же день художник написал этюд, впоследствии ставший картиной «Прибытие Н.И. Пирогова в Москву».

Юбилейные торжества начались в актовом зале Московского университета. В них участвовали не только российские учёные и врачи, но и представители Страсбургского, Мюнхенского, Падуанского и Эдинбургского

университетов, медицинских факультетов Парижа и Праги, а также ряда зарубежных хирургических и медицинских обществ и общественных организаций. Была зачитана поздравительная телеграмма от Александра III. Н.И. Пирогов был удостоен звания почётного профессора Московского университета. Московская городская управа присудила Пирогову звание Почётного гражданина города Москвы (ранее этого звания было удостоено всего лишь 4 деятеля) и представитель думы вручил Николаю Ивановичу диплом. В ответной речи Н.И. Пирогов благодарил за поздравление: «Высокой нравственной наградой считаю я для себя звание почётного гражданина, которым удостоила меня моя родина». Николай Иванович благодарил Московский университет, давший ему путь в науку. И завершил своё выступление словами: «Вы видите перед собой человека прошлого времени, стоящего в дверях вечности, который смело Вас одушевляет надеждою и провозглашает благоденствие будущему в твёрдом уповании, что Россия, предводимая Державным вождём, пойдёт по тому великому пути, который открыт для неё бессмертными делами царя-освободителя». На следующий день Пирогов в сопровождении ректора посетил первое студенческое общежитие Московского университета и разговаривал там со студентами.

После юбилея самочувствие Николая Ивановича ухудшилось. Его сразу осмотрел Н.В. Склифосовский и поставил неутешительный диагноз – злокачественная опухоль губы. Этот диагноз подтвердили и другие осмотревшие Пирогова врачи. Н.В. Склифосовский сообщил ему, что на консилиуме «решили предложить Вам вырезать язву». Вначале Н.И. Пирогов согласился сделать операцию, но только у себя в Вишне. Однако тут же уехал в Вену к знаменитому хирургу Бильроту. Тот не обнаружил малигнизации язвы и стал отговаривать Николая Ивановича от операции. Из Вены Пирогов поехать отдыхать на Лиман, где его вскоре навестил старый знакомый С.И. Шкляревский, присутствовавший при консультации Бильрота. Он почти не узнал Н.И. Пирогова, так тяжёлая болезнь изменила его. В это время великий врач-учёный не мог самостоятельно читать и писать, кроме рецептов, которые просили его выписывать находящиеся в Лимане больные.

Вернувшись к осени в Вишню, Пирогов всё более убеждался в необратимом характере своей болезни. Но, несмотря на причиняемые болезнью страдания, он продолжал работать над «Дневником старого врача». Эта книга, которую Николай Иванович, к сожалению, так и не закончил, представляла собой свечок русской жизни XIX столетия.

Малигнизирующаяся язва всё увеличивалась. В сентябре во время прогулки Пирогов простудился и слёг в постель. После этого он уже не выходил из дома. Последние недели Николая Ивановича паллиативно лечили врачи П.И. Щавинский и С.И. Шкляревский, рекомендации по питанию давал лейб-медик Ф.Я. Каррель. Но состояние больного всё ухудшалось. Вечером 23 ноября (5 декабря н. ст.) 1881 г. Н.И. Пирогов скончался. В этот день жители села Вишня наблюдали солнечное затмение. Мир скорбел, прощаясь с великим человеком.

Поток соболезнующих телеграмм и писем хлынул в Вишню. В присланной сразу телеграмме Общества морских врачей говорилось: «Глубокое горе поразило всё русское медицинское сословие. В лице Николая Ивановича Пирогова наука потеряла своего гениального представителя и врача, незабвенного профессора. Незаменимая потеря чувствуется всеми, кому дорого общественное развитие и процветание».

Тело Пирогова было набальзамировано и похоронено в склепе церкви Николая Чудотворца. На похоронах присутствовали многочисленные студенты, ученики, жители села Вишня и близлежащих деревень, для которых Николай Иванович был добрым доктором-другом.

В заключение необходимо остановиться на вопросе о школе Н.И. Пирогова. Существовало превратное представление, что Пирогов, много самостоятельно работавший, по сути дела не создал школы. Это совершенно не соответствует истинному положению дел. Во-первых, во время работы в Дерптском университете и Медико-хирургической академии под руководством Николая Ивановича было защищено около 30 диссертаций. Хотя далеко не все диссертанты стали крупными российскими учёными, этот факт уже свидетельствует о наличии у Н.И. Пирогова научной школы. Но в ещё большей степени о наличии большой хирургической школы можно судить, обратившись к тому факту, что учениками Пирогова были десятки и сотни врачей, работавшие с ним рука об руку и перенимавшие его мастерство как в мирных, так и в военных условиях. Учениками-последователями Николая Ивановича были крупнейшие учёные-медики С.П. Боткин и Н.В. Склифосовский, хотя они не писали диссертаций под его руководством.

Совсем молодым врачом Сергей Боткин начал свою деятельность во время Крымской войны, работая и обучаясь у Пирогова в тяжелейших условиях разгрома Севастополя. В дальнейшем он тщательно изучал труды учителя и творчески использовал их в своей деятельности. Став

самодостаточным врачом и учёным в несколько иной области – терапии и инфектологии, - С.П. Боткин встретился с уже стареющим Н.И. Пироговым на Балканах. И здесь их опыт стал уже взаимодополняемым. Боткин продолжал черпать знания от великого учителя, а тот в определённых вопросах пользовался советами возмужавшего ученика. А от С.П. Боткина линию преемственности можно провести к великому И.П. Павлову. Вернувшись с войны, Боткин предложил входящему в формирующийся вокруг него студенческий кружок Ивану Павлову вести занятия по физиологии на курсах фельдшерниц при общине святого Георгия. Тем самым последователь Н.И. Пирогова Боткин разглядел талант своего молодого сподвижника и дал ему правильное направление, несмотря на личную привязанность к нему этого студента.

Крупнейший российский хирург Н.В. Склифосовский в молодости скрупулёзно изучал работы Пирогова. Серьёзным уроком была для него Русско-турецкая война, где Николай Склифосовский в полевых условиях трудился под наблюдением Н.И. Пирогова, перенимая как его хирургическое мастерство и организационный опыт. Став заведующим кафедрой факультетской хирургии, о которой в молодости мечтал Николай Иванович, Н.В. Склифосовский стал истинным продолжателем дела великого учёного-хирурга. Он с большой теплотой относился к своему наставнику. В своих речах и выступлениях Склифосовский всегда пропагандировал труды и открытия Пирогова.

После смерти учителя Н.В. Склифосовский отдал много сил, чтобы в Москве был поставлен памятник Н.И. Пирогову. Он организовал сбор средств по всей стране на создание этого памятника. Во время посещения кафедры и клиники факультетской хирургии Московского университета Александр III дал разрешение на установку памятника перед её зданием и при этом сказал: «Я всех уважаю, кто был в Севастополе». Великолепный памятник работы скульптора Л.В. Шервуда, поражающий своей филигранностью и мощью был открыт 5 (17 н. ст.) августа 1897 г. в преддверии XII Международного конгресса врачей. Выступая на открытии памятника Н.В. Склифосовский сказал: «...Начала, внесённые в науку Пироговым, останутся вечным вкладом и не могут быть стёрты со скрижалей её, пока будет существовать русская наука, пока не замрёт на этом месте последний звук русской речи». Вскоре именем Пирогова были названы две улицы – Большая и Малая Пироговские, - где располагались учебные и

клинические корпуса вначале Медицинского факультета Московского университета, а затем 1-го и 2-го Московских медицинских институтов.

Увековечение памяти Н.И. Пирогова продолжалось и в советское время, и продолжается в наши дни. Имя Пирогова было присвоено всесоюзному научно-практическому журналу «Хирургия». Во дворе 2-го Московского медицинского института (ныне территория НИИ физико-химической медицины) был установлен прекрасный бюст-памятник Н.И. Пирогову. После организации Академии Медицинских наук СССР в 1945 г. в её составе была учреждена Пироговская комиссия, занимающаяся отбором наиболее значимых медико-хирургических работ и способствующая их продвижению, и премия Пирогова для награждения признанных анатомов, хирургов и клиницистов. В 1990-е годы имя Н.И. Пирогова получила Ассоциация хирургов СНГ. Несколько лет назад в Московской медицинской академии им. И.М. Сеченова (ранее 1-м медицинском институте) была учреждена Медаль им. Пирогова для награждения студентов, совмещающих отличную учёбу с научно-практической и общественной работой. По инициативе Министра здравоохранения РФ, академика РАМН, генерал-полковника медицинской службы Ю.Л. Шевченко в 2003 г. было организовано научно-практическое учреждение нового типа, реализующее, в первую очередь, задачи практического здравоохранения, – Национальный медико-хирургический центр, которому было присвоено имя Н.И. Пирогова.

Имя Пирогова зовёт новое поколение врачей, провизоров, фельдшеров, медсестёр, военных администраторов и гражданских менеджеров медицинского профиля для служения в интересах здоровья российских граждан. В их руках медицинское благополучие и социально-демографическое развитие великой России.